

Х Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки»

21–22 ноября 2012 г. в Москве состоялась Х Международная конференция «Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки» с участием зарубежных ученых, организованная Институтом стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова и Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета. Конференция была приурочена сразу к трем юбилейным датам: 90-летию со дня рождения профессора М.К. Румянцева (17.11.1922–28.04.2010), 50-летию с момента создания Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ и 10-му созыву самой конференции. В конференции приняли участие около 100 человек, в том числе около 40 докладчиков.

В первый день конференции состоялось пленарное заседание, посвященное Михаилу Кузьмичу Румянцеву – видному российскому лингвисту, внесшему огромный вклад в развитие отечественного языкознания, прежде всего в области восточного и общего языкознания, фонетики и интонологии.

Заседание открыл директор ИСАА МГУ М.С. Мейер, который выделил основные вехи профессиональной деятельности Михаила Кузьмича Румянцева. Он поступил в Московский институт востоковедения (ныне ИСАА МГУ) в 1946 г., пройдя войну боевым офицером, и посвятил всю свою дальнейшую жизнь китайскому и общему языкознанию, успешно сочетая в своей работе исследовательские и педагогические аспекты. С 1962 по 2010 г. Михаил Кузьмич руководил созданной в 1961 г. по его инициативе Лабораторией экспериментальной фонетики (ЛЭФ) ИСАА, где впервые в отечественной филологии были начаты исследования фонетического строя восточных языков с использованием новейших экспериментальных методов и технических средств. С 1970 по 1992 г. М.К. Румянцев стоял во главе кафедры китайской филологии ИСАА, достигшей в этот период наивысшего расцвета. Отметив научные заслуги и высокие личностные качества М.К. Румянцева, докладчик призвал новые поколения востоковедов стать достойными продолжателями замыслов и дел этого выдающегося отечественного ученого.

Подробное описание жизненного пути и научных достижений М.К. Румянцева было дано в совместном докладе И.М. Румянцевой и М.И. Каплуна (Москва), подчеркнувших, что труды М.К. Румянцева стали классикой языковедения и внесли неоценимый вклад в

разработку просодической проблематики языков различной типологии. Начатое под его руководством изучение ориентальной фонетики при помощи машинного синтеза речи можно с полным основанием считать новым направлением в экспериментальной лингвистике. Докладчики особо отметили силу нравственного воздействия М.К. Румянцева на учеников и коллег по работе, его умение создавать творческую атмосферу научного поиска, максимально требовательное отношение к профессиональному долгу, бескомпромиссное служение истине и в науке, и в жизни.

Ф.М. Ацамба (Москва) охарактеризовала М.К. Румянцева как человека повседневного подвига, блестящего ученого, яркого педагога, создателя научной школы, в характере которого отсутствие амбициозности органически сочеталось с готовностью отстаивать свои позиции, свою лабораторию, своих коллег и учеников.

В.В. Ремарчук (Москва) рассказал о своем пути в ЛЭФ ИСАА МГУ и о помощи, которую оказал ему, тогда еще студенту-дипломнику, Михаил Кузьмич Румянцев, который не только прочитал и одобрил его выпускную работу, но и помог определиться с планами работы по окончании института. Возникшие тогда научные контакты продолжались и позже, когда докладчик стал заниматься вопросами вьетнамского фонетического письма и его роли во вьетнамской культуре.

А.Н. Хохлов (Москва) вспомнил о студенческих годах М.К. Румянцева, когда они были сокурсниками, и о своей работе в созданной Михаилом Кузьмичом Лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА МГУ.

О ЛЭФ ИСАА и научной школе, заложенной М.К. Румянцевым на этой основе, говорили также другие сотрудники самой этой лаборатории и аналогичных лабораторий других учреждений.

М.И. Капун (Москва) остановился на истории создания и развития ЛЭФ ИСАА с ее ориентацией на гармоничное сочетание учебного процесса и научной деятельности, а также на ее роли в подготовке и взаимодействии востоковедов, занимающихся речевыми исследованиями, и в организации Международной конференции по языкам Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки, уже прочно вошедшей в международный научный календарь. Докладчик отметил, что при должном финансировании ЛЭФ может в дальнейшем стать базой для организации целевых

исследовательских групп автоматизированного распознавания речи, работающих с восточными и африканскими языками.

О.Ф. Кривнова и Т.М. Надеина (Москва) рассказали о научном сотрудничестве ЛЭФ ИСАА с созданной двумя годами позднее одноименной лабораторией при кафедре структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ. Отметив тесные творческие контакты обеих лабораторий не только с фонетическими и лингвистическими коллективами, но и с представителями других специальностей, докладчики выделили ряд выполненных сотрудниками ЛЭФ междисциплинарных разработок, подчеркнув их ценность для решения не только фундаментальных, но и практических задач, таких как улучшение качества синтезированной речи, автоматическое распознавание диктора, оценка его эмоционального состояния и т. п.

Р.К. Потапова (Москва) отметила тесные связи ЛЭФ ИСАА и ее руководителя М.К. Румянцева с лабораторией экспериментальной фонетики и психологии речи при МГПИИЯ им. М. Тореца (ныне МГЛУ), оценила эрудицию и широту научных интересов М.К. Румянцева в сочетании с филигранностью и глубиной его многочисленных фундаментальных и прикладных исследований по китайскому и общему языкознанию и подчеркнула фундаментальное значение созданной им оригинальной научной школы, которую продолжают успешно развивать его ученики и последователи.

На конференции многократно отмечались новаторство и научная значимость языковедческих идей и направлений исследований, развивавшихся М.К. Румянцевым.

В том числе ряд докладчиков указывали, что получившая всеобщее научное признание монография М.К. Румянцева «Тон и интонация в современном китайском языке» (1972) по своим идеям и результатам значительно опередила и превзошла многие исследования в области просодии конца XX – начала XXI в.

Л.Г. Зубкова (Москва) представила одну из последних и ранее не публиковавшихся работ М.К. Румянцева – рецензию, в которой он излагает свои взгляды на соотношение в языках лексики и грамматики и, в частности, предлагает трактовать противопоставление флективности/нефлективности как различие двух видов грамматики: морфологической и синтаксической (контекстной), связывая с последней и явления акустической нейтрализации означающих.

С.С. Хромов (Москва) выделил общеязыковедческую значимость результатов, полученных М.К. Румянцевым в его пионерском исследовании проблем дифференциации предикативных и атрибутивных связей китайского

языка с помощью интонации, а также обратил внимание на такие идеи ученого, как необходимость учитывать при исследовании интонации не только реальные физические параметры звучания, но и их преломление в языковом сознании носителей языка; сложность и многофункциональность интонационных единиц и реализующихся в их рамках признаков; важность изучения, помимо смысловых различительных, также интегральных признаков, обеспечивающих правильность реализации языковых единиц в рамках произносительной нормы.

Дальнейшая работа конференции велась в рамках двух параллельных секций. Рассматривались как общие проблемы языковой теории, методологии и типологии, исследуемые на материале восточных и африканских языков, так и конкретные аспекты описания фонетики, грамматики и лексики отдельных языков и языковых семей в их синхронии и диахронии, а также во взаимодействии друг с другом и с социокультурными факторами.

В соответствии с основным направлением исследований М.К. Румянцева, важное место в работе секций заняли исследования в области фонетики, прежде всего интонологии и других просодических явлений.

Экспериментальные фонетические исследования составили предмет двух докладов. А.Н. Алексахин и К.И. Долотин (Москва) представили результаты экспериментально-акустического исследования тоновых контуров экспираторных и инспираторных гласных, входящих в фонетическую систему языка юэ (региональный язык юга Китая). Было, в частности, показано, что в описании экспираторных гласных целесообразно отражать не только начальный и конечный тоновые уровни, но и относительную длительность удержания того или иного уровня в пределах общего времени звучания гласной.

Г. Кундротас (Литва) проанализировал смысловые различительные единицы и средства интонационных систем русского и литовского языков и продемонстрировал, что даже при совпадении по различительным признакам интонационные конструкции каждого языка сохраняют фонетическое своеобразие, проявляющееся в ритмической структуре, степени контрастности/плавности выделения интонационного центра и т. п.

Е.Ф. Киров (Москва) затронул в своем докладе вопросы фоносимволизма, в том числе интонационного, а также указал на недопустимость отстранения при исследовании фонетического экспонента знака от его артикуляционной материи и предложил, следуя идеям И.А. Бодуэна де Куртене, ввести для артикуляционной стороны знака термины, аналогичные

тем, которые приняты для его звуковой стороны.

И.М. Логинова (Москва) привлекла внимание слушателей к акцентологическому аспекту фонологической типологии языков. Продемонстрировав многообразие способов реализации и взаимодействия тональной системы и словесного ударения, она показала, что языки могут различаться как по тому, какое из этих двух явлений играет в них главенствующую роль, так и по конкретным лингвистическим функциям каждого явления, а также по их акустической природе и другим характеристикам.

Два доклада были посвящены графическому аналогу языковой просодии – пунктуации, исследовавшейся на материале японского языка. О.О. Парфенова (Санкт-Петербург) дала общую характеристику японских знаков препинания, отметив в качестве их основной функции указание на паузы как пограничные сигналы для синтагм и, реже, на определенную интонацию, а также обратила внимание на появление в языке Интернета дополнительных знаков, частично сходных с пунктуацией. А.С. Зверев (Москва) рассмотрел функционирование в японском языке круглых скобок, включая такие его аспекты, как наличие / отсутствие синтаксической связи скобочной группы с контекстом; допустимость ее опущения без нарушения осмысленности и/или синтаксической связности фразы; семантические изменения текста при удалении из него скобочных групп; трансформации, требуемые при этом для сохранения его грамматичности, и т. п.

Значительное внимание на секционных заседаниях было уделено проблемам грамматики и лексики языков Азии и Африки.

В докладах В.М. Алпатова и С.Ф. Членовой востоковедческий материал служил для решения вопросов общей теории языковых категорий.

В.М. Алпатов (Москва) проанализировал понятие падежа, как оно возникло и развивалось в отечественной японистике, и его связь с понятием слова. Показав, что для японского языка не всегда действуют критерии, принятые для европейских языков, он заключил, что материал восточных языков подтверждает рациональность более универсального определения падежа, допускающего помимо синтетических также аналитические падежные формы – сочетания существительных с предлогами или послелогами, существительные в определенной синтаксической позиции и т. п.

С.Ф. Членова (Москва) рассмотрела вопрос об универсальности понятия прилагательного как самостоятельной частеречной категории и исследовала возможности ее вы-

деления в одном из языков Восточной Индонезии – давера-давлоор. Было показано, что в отличие от других восточно-индонезийских языков, где слова со значением качества предстают как подкласс глаголов, здесь они демонстрируют морфологическую и синтаксическую специфику, что дает основания для выделения их в отдельный класс и делает данный язык весьма интересным с точки зрения внутренней типологии языков Восточной Индонезии.

Выступление И.Н. Топоровой (Москва) было посвящено специфике морфолого-грамматических средств языка галва (северо-западный ареал банту). Докладчик отметила важную роль в его грамматической системе двух видов консонантных морфологических чередований: по месту и способу образования согласного и по признаку звонкости / глухости, показав, что они позволяют идентифицировать, в частности, значение категории числа в имени и аспектно-темпорально-модальные категории в глаголе. Она также перечислила согласовательные модели и именные классы языка галва, указав их отличия от тех, которые традиционны для языков банту.

В целом ряде докладов предметом рассмотрения явились глагольные категории и конструкции, изучавшиеся как в связи с описанием отдельных языков, так и в типологических аспектах.

Д.Ф. Мищенко (Санкт-Петербург / Франция) исследовала особенности употребления видо-временных конструкций в языке лоома (семья манде), обладающем, как и многие языки Тропической Африки, дискурсивно-ориентированной грамматической системой, средства которой могут маркировать, например, противопоставление нарративного и речевого режима дискурса, тип функционального фрагмента нарратива, смену таких типов и т. д. В докладе была показана связь этих факторов с выбором, интерпретацией и частотностью употребления в текстах тех или иных видо-временных форм данного языка.

В докладе Е.Н. Колпачковой (Санкт-Петербург) рассматривался ряд проблем, связанных с представлением категории транзитивности в китайском языке. Докладчик выделила основные стратегии оформления субъекта и прямого объекта при переходных глаголах, а также некоторые грамматические, лексико-синтаксические и семантические факторы, влияющие на транзитивизацию и на выбор диатезы при таких глаголах. Были также отмечены некоторые случаи вариативности управления объектом.

В.Б. Касевич и О.А. Гарбузова (Санкт-Петербург) описали результаты исследования бирманских и китайских каузативных

конструкций по материалам эксперимента, в ходе которого носители каждого языка составляли каузативные предложения с заданными частотными знаменательными глаголами. Выяснилось, что в бирманских каузативных конструкциях заметно чаще, чем в китайских, встречается эллипсис актантов, а роль каузатора может выражаться синтаксически зависимыми глагольными конструкциями, что в китайских фразах не зафиксировано. Обнаружен также ряд семантических отличий бирманских каузативных конструкций от китайских.

В докладе А.К. Оглоблина (Санкт-Петербург), рассматривавшего семантику непроизвольной каузации в западных малайско-полинезийских языках, было установлено, что в процессе их развития значение стимула как фактора такой каузации теряет (за пределами семантики эмоций) свою функцию мотивировки переходности. Причиной могут быть разные процессы: обобщение каузативных и некаузативных значений некоторого показателя в более широкой функции переходности; вытеснение прежних показателей непроизвольных или непредвиденных событий более поздними суффиксами переходности; некоторые фонетические изменения и др.

А.Б. Шлуинский (Москва) представил результаты типологического сопоставления реципиентно-бенефактивных конструкций с глаголом «давать» для 20 языков семьи ква (одна из семей нигер-конго), показав, что в некоторых из этих языков глагол «давать» в таких конструкциях подвергается грамматикализации вплоть до перехода в предлог, что отчасти коррелирует с расширением семантики конструкции. В функциональном плане для исследуемых конструкций четко выделяется ядро с реципиентной и/или бенефактивной семантикой, имеющееся во всех 20 языках, и обширная периферия, представленная только в некоторых из них.

В докладах С.В. Чирнова (Москва) и Т.Г. Погибенко (Москва) рассматривались глагольные единицы, лежащие на границе между синтаксисом и лексикой.

С.В. Чирнов проанализировал двухкомпонентные глагольные образования японского языка, предложив их классификацию по нескольким грамматическим и семантическим параметрам и показав их соотношение с функционально сходными серийными и производными глагольными единицами корейского, турецкого, хинди, китайского, английского языков и с приставочными глаголами русского и немецкого.

Т.Г. Погибенко рассмотрела глагольные лексические комплексы кхмерского языка, подчеркнув, что вопреки сложившемуся мнению

они обладают принципиальной структурированностью. Подтверждением может служить корреляция лексического состава синонимичных комплексов с их встречаемостью в различных контекстах, продемонстрированная на примере комплексов со значением «показывать», а также динамика развития аналогичных комплексов в других австроазиатских языках.

Три доклада было посвящено различным видам лексики.

Е.Л. Рудницкая (Москва) описала с позиций лексической типологии лексико-семантическое поле корейских глаголов колебательного движения, отметив наличие в нем доминантного глагола, допустимого практически во всех контекстах, трех менее универсальных, но также достаточно широко употребляемых глаголов, и ряда глаголов, среди которых немало идеофонов, со значительно более узкими условиями употребления. В качестве основных релевантных для них различительных признаков были выделены тип, свойства и положение объекта, а также тип и причина колебаний.

Н.Г. Румак (Москва) рассмотрела семантическую специфику японских ономастопозитических единиц, показала важность для понимания и перевода такой единицы не только общего смысла ее лексического ядра, но и дополнительных сем, определяемых ее формальной структурой, а также возникающих в конкретных случаях ассоциативных значений и продемонстрировала возможности их учета с помощью созданного ею совместно с О.П. Зотовой «Толкового японско-русского словаря ономастопозитических слов» (2012) и включенного в него тематического индекса.

В.А. Богусhevская (Италия) привлекла внимание аудитории к истории возникновения и развития цветоименований в китайском языке. Отметив, что наиболее ранние из них задавались путем ссылки на объекты с нужной природной окраской, докладчик разграничила два основных пути развития инвентаря китайских иероглифических цветообозначений: семантическое расширение (актуальное и до сих пор) и использование фонетических или семантических дублетов.

Целый ряд проблем восточного языкознания освещался на конференции с социолингвистических и контрастивных позиций.

Доклад Т.М. Гуревич (Москва) был посвящен проблемам пресуппозиции как части речевого этикета. Выделив такие прагматические аспекты пресуппозиции, как оценка говорящим информированности адресата, его способности к пониманию, отражение социальных и гендерно-возрастных характеристик общающихся, особенностей сиюминутной ситуации общения и т. п., докладчик подчеркнула, что в

японской культуре это особенно существенно для успеха коммуникации.

Т.Б. Резникова (Москва) привела в своем выступлении сведения о характерных для японцев жестах, их интерпретациях и их вербальных обозначениях (преимущественно фразеологизмах), полученные ею методом анкетирования и интервью. Исследовав различия мужских и женских жестов и поз, а также гендерные варианты исполнения и интерпретации общих жестов, докладчик отметила тенденцию к нивелированию речевых различий между мужчинами и женщинами, в том числе и в невербальном поведении.

С.А. Быкова (Москва) рассмотрела современное состояние диалектов японского языка, показав, что в Японии не только сохраняется часть традиционных диалектов, но и появляются новые, сочетающие черты территориальных и социальных диалектов. В докладе были отмечены некоторые фонетические, грамматические и лексические изменения в традиционных японских диалектах, связанные как с влиянием стандартного японского языка, так и с междиалектальным взаимодействием.

В докладе В.А. Виноградова (Москва) анализировалась методология исследования контактов родственных и неродственных языков. На примере суахилийских заимствований в ганда были продемонстрированы осложнения, которые могут возникать при применении стандартных морфологических критериев из-за возможности морфологического переосмысления заимствованных единиц в языке-реципиенте. Для родственных языков была выделена проблема дифференциации заимствований от унаследованных сходств, которая может усугубляться явлениями гиперкоррекции.

Предметом рассмотрения в докладе Е.Г. Фроловой (Москва) явилась языковая политика Испании на Филиппинах и влияние испанского языка на развитие филиппинской культуры. Была отмечена роль испанского языка в обогащении лексики местных языков, его сохранение в именах, географических названиях и песнях филиппинцев, а также в креольском языке чавакано, лексика которого

большой частью заимствована из испанского, хотя грамматические структуры принадлежат к филиппинскому типу.

З.М. Шаляпиной (Москва) было представлено контрастивное исследование японского и русского словопорядка в связи с задачами автоматического перевода. Введя понятие коммуникативной иконичности – соответствия порядка следования в тексте языковых обозначений отдельных компонентов ситуации порядку переноса на эти компоненты внимания участников коммуникации, докладчик на примере японско-русских позиционных переводных соответствий рассмотрела взаимодействие коммуникативной иконичности с формально-грамматическими позиционными требованиями.

Доклад В.Я. Порхомовского (Москва), совместивший в себе социолингвистические и контрастивные аспекты филологического исследования, был посвящен принципам типологического анализа и классификации стратегий перевода Библии на другие языки. Выделив ряд лингвистических и прагматических параметров, актуальных для такого анализа, докладчик на материале двух переводов Библии на язык хауса проиллюстрировал различия между филологической стратегией перевода, направленной на максимально точную передачу содержания оригинала, и идеологической стратегией, отдающей приоритет идеологическим или теологическим аксиомам.

После подведения итогов конференции на заключительном заседании участникам был продемонстрирован видеоотчет о ее наиболее интересных событиях и предоставлены оптические диски с записью этого отчета. Труды конференции изданы в виде сборника: Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки: материалы X Международной конференции (Москва, 21–22 ноября 2012 г.) / МГУ им. М.В. Ломоносова, ИСАА, СПбГУ. М.: Ключ-С, 2012. 336 с.

З.М. Шаляпина

Сведения об авторе:

Зоя Михайловна Шаляпина
Институт востоковедения РАН
zmshal@yandex.ru